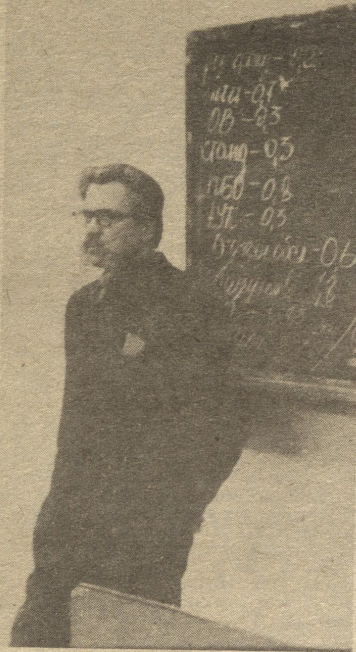

Стоило Иосифу Сталину пару месяцев побыть в Нарыме, в память об этом событии был организован музей Село Шушенское стало своего рода Меккой. Но у любознательных исследователей был непроницаемый предел — 1917 год. Ссылку после этого времени советские историки не изучали. Работы непокорных одиночек не в счет.

3—4 года назад бастионы лжи и страха обрушились под натиском перемени. История СССР из искусства скрывать истину стала превращаться в науку. Но боюсь, что и сейчас ни один из специалистов не дошел в своей работе до 80-х: переломного и хорошо нам памятного десятилетия.

Томская политссылка недавних 70—80-х — пока еще книга с неразрезанными страницами. Сегодня я проткряваю только ее маленькую главку и хочу рассказать о единственном имени из длинного списка. Для людей, интересующихся политикой, оно известно — Левко Григорьевич Лукьяненко, ныне претендент на пост президента независимой Украины, председатель Украинской республиканской партии.

ПОЛИТССЫЛЬНЫЙ ЛУКЬЯНЕНКО

АВГУСТ 88-го ГОДА. Томский знаток «самиздата» Николай Карташов и автор этих строк отправились навестить незнакомого, но заочно уважаемого человека. Пропав в поселок Березовка Парабельского района была уже протерена. Пару месяцев назад у Лукьяненко побывала вместе со своим лучшим другом Станиславом Божко Елена Санникова, московская диссидентка, прошедшая лагерь и томскую ссылку. И тем не менее лица у нас были озабоченные: наверняка за политзком с 25-летним (!) лагерным стажем был установлен надзор. Первое посещение могло ускользнуть от внимания «органов», а уж на второй-то раз мы явно «засвечивались» и не знали тогда, чем это обернется.

В кармане у меня лежали два машинописных номера журнала «Экспресс-хроника», который по инициативе Александра Подрабиника с 87-го бесстрашно стала издавать в Москве группа освободившихся «политиков». Эксперимент на себе шел успешно, новых сроков за инкомыслие власти не раздавали с 87-го года, и все же чувство опасности нас не покидало.

Впервые я услышал о Лукьяненко в 86-м от своего доброго знакомого Геннадия Пискунова, который приловчился в 4 часа ночи ловить радио «Свобода», отыскав брешь в круглосуточном тархатении глушилок. Срок, отбывтый Лукьяненко, был таким длинным, что невольно подумалось, нет ли здесь недоразумения и не попал ли в список политзаключенных какой-нибудь военный преступник. Однако никакой ошибки не было.

И вот череда аэропробов позади. Томск—Парабель—Березовка, и мы идем по мосту через Пайдугу с черной болотной водой. Вот, наконец, и тот, ради которого мы отправились в путь. Сядь все висячие украинские усы устраняют всякие сомнения — перед нами Левко Лукьяненко. И это не изможденный, угрюмый старец со страдальческими морщинами, а 60-летний человек с живыми голубыми глазами, мягким украинским говором и доброй улыбкой.

Он был готов к нашему приезду, а может быть, и ждал его. Поэтому разговор сразу набрал обороты. Прошло только несколько месяцев с того дня, как Лукьяненко был этапирован на томский север из пермской

политзоны особого режима ВС 389/35 после отбывтия 10-летнего срока за участие в украинской хельсинкской группе. Свыше сорока человек поочередно вступали в эту правозащитную организацию, и один за другим шли в лагерь.

Для нашего нового знакомого это был повторный срок. Впервые он был арестован в 61-м во Львове, куда распределился после окончания юрфака. Босоногое детство Левко прошло в деревне под Черниговом. Год 33-го ему удалось перенести лишь потому, что отец зарыл картошку не на задах в огороде, а у самой калитки, и партийные активисты не воткнули в этом месте свой шуп. Уже после войны Левко служил в армии, был сверхсрочником, и в это время получил среднее образование.

Потом были годы студенчества, пришедшие на начало хрущевских реформ, и первые размышления о судьбах родной Украины. Несмотря на «оттепель», в черную воронку ГУЛАГа уходили новые люди. Арест группы московских историков во главе с Львом Краснопевцевым не укрылся от внимания юриста-младшекурсника. Знакомство между ними, правда, состоялось позже — в мордовских политлагерях, но это к слову. Все началось с чтения старых украинских журналов в богатой университетской библиотеке. Так была прорвана та информационная блокада, благодаря которой удалось создать уникальный тип советского человека.

После окончания МГУ Лукьяненко распределился во Львов, создал подпольный кружок единомышленников, который мирными средствами предполагал добиваться независимости Украины. В 61-м члены организации были арестованы, а ее лидер в 62-м приговорен к расстрелу по статье «Измена родине». Смертную казнь заменили 15 годами. Лишь в лагере поделенный Лукьяненко получил разъяснения от зам. генерального прокурора СССР Малаярова. Измена заключалась в «посягательстве на территориальную целостность Родины».

К моменту освобождения в стране уже образовалось правозащитное движение, и Лукьяненко, не задумываясь, примкнул к нему. На этот раз никакой конспирации не было. Не было и снисхождения. Зато был предельный срок.

ЧТО ТАКОЕ ПОЛИТЗОНА особого режима?

Об этом мы и говорили с Левко Григорьевичем, сидя рядом с той халяпой, которую ссыльный из заброшенного строения приспособил себе под жилье.

«За все 10 лет, — начал Лукьяненко, — мне никто из персонала зоны не сказал «ты», меня ни разу никто не ударил. Методы укрощения заключенных были куда изощреннее, и в каждом шаге тюремщиков чувствовалась ненависть. Вот несколько примеров.

Из-за нездорового рациона питания почти у всех заключенных возникли проблемы с пищеварением. В целях чистейшего издевательства место для опарки было определено в центре камеры, на полном обозре у соседей.

Деревянный пол прохотал при любом резком движении, и каждый, кто вставал ночью по нужде, автоматически будил своих соседей.

Стоило кому-либо из администрации зоны (Осин, Максин и прочие) увидеть, что заключенные, которых свели в одну камеру, живут дружно, состав камеры тут же перетасовывался. В зоне были и стукачи, и уголовники, закосившие под «политиков», фактически не будучи таковыми. Так что подобрать людей, которые будут ежедневно враждовать друг с другом, удавалось почти всегда. Жизнь узников становилась адом.

Особенно рискованно было обра-

щаться к врачу. Однажды, приняв прописанную таблетку, Лукьяненко едва остался жив. Что ему подсушил лагерный эскулап, наверняка останется тайной, не записанной в историю болезни.

Особенно гадко было выслушивать от «исполнительных контролеров» издевательские напоминания типа «уберите свое рабочее место», «утрите руки» и тому подобное, которые повторялись тысячекратно с единственной и нескрываемой целью — подзавести, уязвить.

В зоне Лукьяненко потерял нескольких друзей, не перенесших постоянного пресса. В их числе был и прекрасный украинский поэт Василь Стус. Сам Левко Григорьевич перенес инфаркт, но выжил. Говоря о чувствах безысходности, которые царили в зоне, Лукьяненко был краток: «Все мы думали, что уйдем здесь в могилу».

И вот ссылка — буферное состояние между свободой и рабством. Дирекция местного леспромхоза была разочарована — работать физически 60-летний Лукьяненко не мог по состоянию здоровья, а других вакансий в Березовке не было. Пенсионного стажа у «вечного сидельца» не было. Жить приходилось на ту небогатую помощь, которая приходила извне от единомышленников.

В познавательных целях не удержусь от исторической параллели. Сестра Ленина Анна Ульянова-Елизарова писала: «Денежница в то время в Сибири была большая. Так, первый год ссылки Владимир Ильич на свое пособие, полагавшееся ссыльным — 8 рублей в месяц, — имел комнату и полное содержание в крестьянской семье». Работать будущего вождя никто не заставлял.

Вернемся от Ульянова к Лукьяненко. Оказавшись в Березовке, он поначалу был поселен в общежитие рабочих местного леспромхоза к молодым и энергичным жильцам. «В зоне было спокойнее», — с улыбкой отзывался Левко Григорьевич об этом отрезке своей жизни. Вообще же этот обязательный человек никогда не был изгоем и имел много доброжелателей среди населения поселка.

Проблемы начались, когда к ссыльному приехала восстанавливать семью его жена Надежда Никонова. На квартиру немолдову чету

пускали охотно, но весьма скоро хозяева отказывали. Березовское начальство, наверняка без влияния КГБ, всячески стремилось загнать Лукьяненко назад в общежитие, под приглядом стукачей. Некоторые из них простодушно рассказали о своем новом амплуа объекту наблюдения.

Тогда Лукьяненко оборудовал под жилье заброшенное строение. Однако не тут-то было. Накануне нашего приезда новосела официально известили, что через неделю он будет выселен из помещения. Уехали мы из Березовки без всяких происшествий, но с тяжелым чувством.

ПЕРВЫМ НАЧАЛ КАМПАНИЮ по сбору средств в фонд политссыльного Станислав Божко. В 88-м самой известной общественной организацией некоммунистического типа в Томске был Союз содействия революционной перестройке (ССРП). Под его крышей и началась акция помощи врагу режима, по тем временам дерзкая и вырвавшаяся за рамки дозволенного фронтерства.

Лидеры ССРП Владимир Думачев и Николай Кандыба выбор сделали сразу. Сказала: «Да!» и основная масса «неформалов». Сбор денег шел по всему городу и за его пределами. В нем участвовали, к примеру, писатель Виктор Колупаев и литовский священник Сигитас Тамквичюс, сам политссыльный из Кривошеина, но более обеспеченный. Были десятки и сотни других томичей, протянувших украинцу руку помощи.

Тем временем Лукьяненко, заняв денег, сумел купить дом в Парабеле. Покупка, сделанная почти вслепую и полулегально, оказалась неудачной. Венцы у избежки подгнили, но переезд был разрешен и все же состоялся.

Зимой 89-го я второй раз побывал у Левко Григорьевича. К тому времени политссылка изрядно обезлюдела. Узники советской карательной системы в Березовке считались «помылков», то есть писемнично-покаянные или даже тень покаяния. Лукьяненко отказался. Потом стали отпущать и без «помылков». И вот настала очередь моего доброго знакомого.

Я передал ему последнюю толику денег, а всего добровольные помощники собрали 2650 рублей, и это позволяло рассчитывать с долгами. Было решено, что Лукьяненко по пути на родину остановится в Томске, проведет другого украинского политссыльного, Юрия Шухевича-Березинского из дома инвалидов «Лесная дача», и выступит перед томскими неформалами.

Время ускорилося, и пять лет неволи обернулись двумя. И вряд ли Левко Лукьяненко забудет зимний вечер 89-го года и те понимание и поддержку, которые он получил, впервые в жизни публично выступая в битком набитой аудитории третьего корпуса Томского университета, под аплодисменты новых друзей. Вряд ли забудет более скромную, но не менее сердечную встречу с основателями Томского «Мемориала» в том же третьем корпусе ТГУ.

* * *

Прошло почти 3 года. Сегодня диссидент Левко Лукьяненко — народный депутат Украины. Слышно, что, кроме коммунистов, у него появились новые политические противники, и он подвергается наскокам слепых националистов. Убежденному демократу приходится трудно в условиях взрыва национальных чувств, опрокидывающих разум. Но сибирские друзья Лукьяненко знают: тот, кого не сломал особый режим пермской политзоны, выдержит и любую политическую бурю.

Николай КАЩЕВ.

НА СНИМКЕ: Левко ЛУКЬЯНЕНКО выступает перед членами Союза содействия революционной перестройке, Февраль 89-го.